

ПОЛИТ.РУ

Сергей Ушакин. Фото Тимофея Рожанского.

[Наука](#)

До и после гендера

Интервью с Сергеем Ушакиным

21 июня 2012, 09:51

Адрес → <http://polit.ru/article/2012/06/21/ushakin/>

*Один из известных представителей направления, называемого "гендерными исследованиями" профессор антропологии и славистики, директор программ русских и евразийских исследований Принстонского университета **Сергей Ушакин** развивает проекты далеко за пределами этого направления. О сути этих проектов, причинах отхода от гендерной проблематики и ее состоянии с ученым побеседовала социолог, координатор проекта «Гендерная демократия» фонда имени Генриха Бёлля **Ирина Костерина**.*

Сергей, расскажи, чем ты сейчас занимаешься, какими проектами?

У меня сейчас три основных проекта. Или четыре даже. Первый, который я сейчас заканчиваю, – это специальный номер журнала «[Ab Imperio](#)» (по-моему, сегодня это лучший исторический журнал в России), который будет посвящён номадизму. Идея в том, чтобы посмотреть, насколько идея номадизма – кочевничества, иначе говоря, – может помочь нам объяснить и лучше понять разные культурные, политические и экономические практики, связанные так или иначе с освоением пространства – от художников-передвижников в России в конце XIX века до сегодняшних трудовых мигрантов.

Меня интересует очень специфическое отношение к территории – она задаёт систему координат, но редко превращается в обжитое место, в место идентификации.

Территория, иными словами, становится местом *не*-привязанности, тем, от чего уходят, не обязательно забывая, иногда даже возвращаясь, используя не столько как точку отсчёта, сколько как опору для толчка, рывка куда-то ещё. Во многом этот интерес вырос из моего полевого исследования, которое я делал не так давно в Бишкеке. Местные люди в

интервью, рассказывая о себе, рано или поздно начинали говорить: «Мы же номады». Как будто это что-то объясняло... Вот и захотелось разобраться.

Можно сказать, это такая особенность киргизской идентичности?

И да, и нет. Это приемлемое, понятное *объяснение* того, почему все складывается так, как оно складывается. То есть – с одной стороны, они пытаются строить новую национальную государственность, государственность, которой никогда не было. Государственность же требует стабильных институтов, процедур, правил и т.п. укоренённых вещей. Понятно, что сразу эта укорененность не появится, отсюда все эти периодические революции и погромы, которые как раз и объясняются через призму номадизма, мол, да, вот такие мы, можем все в любой момент бросить и поехать штурмовать наш Белый дом. Вот отсюда и появился интерес к этой теме. Понятно, что все это наложилось на когда-то прочитанные тексты Жюль Делёза и Розы Брайдотти по номадизму. Получился в итоге довольно приличный том, с темами, начиная с советского цирка и рабочих-американцев, которых привозили в Россию в 1920-х гг. и заканчивая религиозными паломниками в сегодняшней России. Есть статья про евразийский номадизм, на примере кинематографа Казахстана. Есть текст о студентах-африканцах, приехавших учиться в Советский Союз во время оттепели. В общем, будет интересно.

Мой второй проект - это моя собственная книжка на основе полевого исследования, которое я делал в Минске и Бишкеке. В этом случае меня интересует возникновение постколониальных идей, постколониальных интерпретационных рамок, постколониальных артистических и социальных проектов, которые стали появляться в бывших советских республиках в последние десять лет. Ситуация крайне любопытная. С одной стороны, местные интеллектуалы и творческие люди пытаются переписывать советскую историю как колониальную.

Это сложно. Во многом - потому, что колониальной истории по большому счету написано не было. Была всякая разная история – классовая, имперская, военная и т.п., а вот с колониальной не очень удачно как-то сложилось. Не было особого интереса в том, чтобы описывать нерусские территории в рамках колониализма. Сейчас такие истории стали возникать, точнее – активно писаться. И тут возникает неожиданная проблема:

попытка сформулировать колониальное прошлое идет рука об руку с принципиально иным проектом – с попыткой говорить о себе, о новых суверенных нациях как о нациях пост-колониальных, преодолевших своё колониальное прошлое, сделавших его несущественным для сегодняшнего развития.

Скажем, интеллектуал в Минске будет объяснять про то, что «советская культура» - это имперская российская, точнее, русская, культура. Спрашиваешь его: то есть белорусская культура – это культура колониальная? Нет, говорят. А как тогда? Точнее – а где вот это пространство свободы, при котором хочется вписываться в империю не на колониальных, а каких-то иных основаниях, отстаивая некие идеи автономии? И вот эта раздвоенность, вот эта попытка одновременно оккупировать две принципиально разные парадигмы мне как исследователю безумно интересна. В ней ведь такая очень страшная сшибка логик,

культурных практик, исторических нарративов. Изучать это крайне любопытно. Жить в этом сложно.

Понятно, что ситуация эта не нова. Многие исследователи постколониальности (в основном, в Африке) говорят о гротеске и принципиальной внутренней противоречивости этих режимов. Особенность постсоветского постколониализма во многом заключается ещё и в том, что уровень образования, уровень общей гуманитарной культуры (достигнутый во многом благодаря специфической культурной политике советского государства) делает возможным производство постколониальных идей и практик не только среди интеллектуалов, но и среди так называемых широких масс.

Почему именно Беларусь и Кыргызстан?

Самая общая причина в том, что мне хотелось взять две контрастные страны – одну, так сказать, «европейскую» и «западную» в географическом смысле, а вторую - «азиатскую» и «мусульманскую». Плюс я был в обеих странах несколько раз, и меня всегда поражало несовпадение моего собственного опыта с тем, что я читал про эти страны в Штатах. О «неразвитой» национальной идентичности, «ослабленном» национальном чувстве, отсутствии опыта государственности и все такое. Вот и захотелось понять самому. Любопытно, что я приехал в Бишкек после полевого исследования в Минске. В Бишкеке многие мои знакомые отнеслись очень подозрительно к моей идее. Типа: «Давай, рассказывай нам про сходства Минска и Бишкека, но мы-то ведь знаем, что ты – казачок посланный и собираешь материалы для Госдепа». Ну, или ещё какой конторы.

Я был в Бишкеке, когда там случилась очередная революция, в результате которой Бакиев, тогдашний президент, оказался в Минске. Так меня потом все время спрашивали: «Откуда ты это знал?» В общем – есть, есть там семейное сходство. Мне кажется...

Два последних проекта – редакторские. Я сейчас заканчиваю большую антологию текстов русских формалистов и конструктивистов. Многие ключевые тексты не перепечатывались с 1920-х годов. Некоторые тексты даже не переводились с иностранных языков. В русской культуре, в общем, не так-то много мыслителей, которые были интересны Западу. В основном, наша философия и гуманитарная мысль – это такой непере译имый фольклор. На этом фоне

конструктивисты и формалисты – это, в общем, наш золотой запас. Запас, который мы сами знаем, как водится, крайне плохо.

Алексей Ган, например, издал в 1922 году книжку "Конструктивизм", где и изложил основные идеи движения, которое во многом изменило мир. В лохматом 1977 книжку переиздали факсимильным изданием какие-то сумасшедшие голландцы. В России она так и не выходила. Да и про Гана стали узнавать лишь недавно.

Ещё пример – Эль Лисицкий. Фигура почти полностью пропущенная, незамеченная, полузабытая. В 1930 г. издал на немецком языке книгу "Архитектура новой России". В 1965-м её перевели на английский. Мы первые перевели её на русский. Я продолжать

могу до бесконечности. Владимир Татлин, например. Казалось бы кто ж не знает Татлина и его башню. А меж тем. В 1984 году искусствовед Лариса Жадова, последняя жена писателя Симонова, издала роскошный том с текстами, рисунками и фотографиями Татлина. В Будапеште. На венгерском языке. С тех пор книгу перевели на все европейские языки. И его материалы, понятно, доступны любому бакалавру. Кроме, естественно, русскоязычных. Я так думаю, рукопись-то лежит ведь где-то. Не на венгерском же Жадова все это писала...

В общем, вот от этой безысходности как-то и возник этот проект. В антологию вошли 15 авторов – от Осипа Брика и Алексея Гана до Сергея Эйзенштейна и Романа Якобсона. К каждому автору делает предисловие современный исследователь. А издает это все издательство [«Кабинетный ученый»](#).

Ну, и последний проект – это антология "XX век: Письма войны". Собираю с коллегами-историками из бывшего Советского Союза письма, которые писались «с войны» домой. И – из дома – «на войну». Начинаем с англо-бурской войны – там были добровольцы из Российской империи. Ну, а дальше – все по порядку – и русско-японская, и Первая мировая, и финская и так далее. Мы пытаемся фокусироваться на повседневности. Посмотрим, что получится.

А гендерными исследованиями ты сейчас не занимаешься? Я спрашиваю, потому что есть такое ощущение, что оттуда все потихоньку уходят.

Я тоже ушел оттуда... потихоньку. Стало скучно. Точнее – предсказуемо. За десять лет – с начала 1990-х – я как-то освоил этот язык, и когда увидел, что он не развивается совсем, что каждое новое поколение изобретает все тот же велосипед, то решил, что, видать, что-то тут не так. Вот пример - мы с Еленой Гаповой лет пять подряд делали конкурс "Гендерные штудии" на лучшую научную статью на тему исследований пола, сексуальности, феминистской теории и т.д., написанную на русском языке. У нас было достаточно времени, чтобы какую-то тенденцию проследить. Каждый год мы получали, наверное, 30-40 статей из бывшего СССР. И меня поразило единообразие этих текстов, их интеллектуальная униформность (можно так сказать?). Понятно, что это происходит в каждой дисциплине, но в этой-то цитируются имена, идеи и концепции, которые цитировали ещё в середине 1990-х!!!

Получается, что последнее десятилетие в интеллектуальном плане не смогло ничего произвести, что

это теоретическое движение оказалось интеллектуально, как говорят экономисты, unsustainable, несамостоятельным, точнее - несаморазвивающимся.

Из года в год упоминаются одни и те же темы: женщины в рекламе, мужчины тоже в рекламе, женщины в сериалах, мужчины в спорте и т.п. Это было интересно в самом начале, но, скажем, в отличие от сходных исследований популярной культуры на Западе, в России это не привело ни к формированию нового концептуального аппарата, ни к новым методам анализа.

Гендерные исследования во многом стали неудачной версией филологии – без своей школы, без своей критики, без своих академических стандартов, да и без своих оригинальных исследований. Все прочитали Бодрийяра, усвоили, что все есть симулякр, и потому ограничились анализом репрезентаций и «имиджей». В итоге - в политическую сферу гендерные исследования так и не вышли, а академически интересными для других теоретических полей им стать не удалось.

Я, понятно, обобщаю, и везде есть исключения, но общая картина, на мой взгляд, довольно унылая. Поэтому и ушел. Потихонечку. Да и все, что я хотел сказать, я, в общем-то, уже сказал. Кстати, и те сборники, что я издавал как редактор, - такое ощущение, что особого эффекта они не имели. На них и рецензий-то толковых не было. Ни на сборник "О муже(N)ственности," ни на «Семейные узы: модели для сборки», ни на «Травма:пункты». То ли непонятны, то ли несвоевременны, то ли не нужны.

Мне кажется, "О муже(N)ственности" - это такой знаковый сборник, который был раскуплен в первый же год весь тираж.

Ага. И допечатывать книгу издательство не стало.

Почему-то не стало... Но у меня очень часто не только исследователи, но и журналисты, просто интересующиеся люди, особенно иностранцы, просто спрашивают и чувствуется, что потребность в знании о маскулинности в том числе огромная.

Наверное, огромная. Понимаешь, в этом и проблема. Гендерные исследования, по сути, занимаются очень живыми проблемами, которые касаются каждого и каждый день. Все мы, так или иначе, как-то выстраиваем, формируем свои модели и практики поведения, ориентируясь на какие-то – непонятно, откуда взявшиеся – представления о том, как должен вести себя, скажем, «настоящий мужчина/мальчик» в той или иной ситуации. Условно говоря - бить или бежать? Но вот вместо вот этого повседневного знания, которое нужно всем, гендерные исследования производят тексты про что-то там невнятное, точнее – непонятное. Проблема, иными словами, с аудиторией.

То, что могут сказать гендерные исследователи просто интересующимся людям, видимо, не очень интересно. Ну и, наоборот – то, про что хотят знать эти «простые люди», исследователям неинтересно исследовать.

Всё как всегда: нет в жизни счастья. Вот я в какой-то момент осознал, что нет аудитории для моих сборников. А если нет аудитории – то зачем бумагу переводить?

Для меня это новость, потому что я много сейчас занимаюсь гендерным просвещением и вижу, что в России и потребность у людей что-то узнавать по теме – огромная. Конечно, есть темы, которые «заисследованы», и там трудно что-то новое сказать, но, видимо, это не единственная причина, по которой гендерные исследования пришли к кризису.

Да, определённую роль сыграло само институциональное устройство этой сферы исследований. Мне всегда казалось, что люди, которые в России влияли на гендерные исследования, занялись ими достаточно случайно. В принципе, гендерные исследования везде вырастали из двух сред: одна - это активистская, вторая – академическая. И эти среды не обязательно совпадали между собой, потому что активистам были интересны вопросы равноправия, защиты прав и возможностей. А исследователям во многом были интересны вопросы идентичности, субъектности, например, того, как сексуальная идентичность связана с другими идентичностями – скажем, с возрастной, этнической или профессиональной. В России академические гендерные исследования появились в 1990-е годы на общей волне конструктивизма как теоретической парадигмы, которая отрицала какие бы то ни было «данности». Такой апофеоз беспочвенности, как говорил Шестов, развенчивающий все иллюзии о возможности стабильной идентичности.

Теоретически, концептуально и даже политически «активисты» и «исследователи» никогда толком не совпадали. И не могли совпасть. Потому что шли в разные стороны. Упрощая, можно так сформулировать: следуя логике деконструктивистских исследований, в половой идентичности вы видим эффект социальных отношений. Этот эффект важен, на его основе строятся многочисленные практики, формы обмена, эмоциональные привязанности и т.п. тонкости, но эффект этот, так сказать, в своей основе химеричен, фантазматичен, а раз так – то что ж дальше копыя-то ломать, давайте переходить к более интересным темам.

Активисты же продолжают настаивать в ответ: «Нет-нет-нет, это нам очень важно, давайте об этом говорить дальше и до бесконечности». В итоге они натурализируют этот самый гендер, превращают его в некую онтологическую данность, в некую сущность, возникшую непонятно как. И мы это видим сейчас, например, с феминистскими и ЛГБТ-исследованиями. Практически / прагматически я понимаю, почему это делается именно так. Гайтри Спивак как-то формулировку выдала для этого поведения – «*strategic essentialism*» - стратегический эссенциализм. Точнее, наверное, будет перевести это как стратегический фундаментализм. Это когда ссылки на идентичность выдаются за эпистемологический аргумент. Ну, типа: «Я вам это заявляю как женщина». Или: «Мне моя идентичность не приснилась, она настоящая». Так вот, мне это кажется возвратом к старому тезису о том, что «*анатомия – это судьба*», и этот тезис мне не близок и не интересен.

Важно и то, что когда гендерными исследованиями начали заниматься в России, ну или в бывшем Советском Союзе, то занимались этим люди, которые, мне кажется, не определились, зачем они это делали и что они хотели получить в итоге. Поскольку все это поддерживалось Соросом, программы были в основном академические. В конце 90-х были гендерные школы, был такой журнал "Гендерные исследования", которые издавался в Харькове (наверное, и сейчас есть). В результате

был сформирован узкий, практически не расширяющийся круг авторов, своеобразных переводчиков с «интеллектуального» на русский.

Помнишь, были такие реферативные сборники ИНИОН, которые издавались в 1980-е годы? Там давались не переводы, а *пересказы* западных работ, которые либо были запрещены, либо никто не мог прочитать, потому что языки мало кто знал. С изначальным текстом работать было нельзя. Можно было лишь пересказывать прочитанное. Такая вот научная деятельность - как фольклор, устная культура. Так вот, тексты на гендерные темы мне напоминают эти пересказы. Что ни возьмешь – везде реферат: "Мы еще раз вам расскажем про то, что думает Зила Эйзенштейн по этому поводу". Это все замечательно, но Зила Эйзенштейн пишет про совсем другую реальность, в которой и стала возможной именно такая, а не иная форма концептуализации.

Мне в русскоязычных гендерных исследованиях всегда не хватало своего, местного компонента. В меня долго вбивали во время моей антропологической учебы, что категории описания и формы концептуализации надо искать в местном языке, заимствованные термины и концепции могут помочь приблизить смысл изучаемых отношений к уже существующим – универсальным - моделям, но они нивелируют местную специфику. «Беспредел» (как и «сквозняк») на английский переводятся с трудом, потому что за ними стоят практики жизнеорганизации, почти полностью отсутствующие в англоязычном мире. Так вот, для меня «гендер по-русски» так и остался академическим вариантом «cover-versions» западных песен... Ну, вот как Иосиф Кобзон, поющий песни вокально-инструментального ансамбля *The Beatles*. Вроде и голос у него громкий, и артикуляция четкая, а радость не та. Почему-то.

Изо всех старых школ сейчас, пожалуй, единственная стабильно успешная – гендерная программа Европейского университета Санкт-Петербурга, потому что там изначально была дисциплинарная основа - социология, на которую наращивали «интерпретационное мясо» феминизма. Можно не соглашаться с их интерпретациями и подходами, но и отрицать то, что там есть фундаментальный интерес в конкретных исследованиях пола, идентичности, сексуальности, быта, здоровья и т.п., тоже невозможно.

Но в любом случае два десятилетия гендерных исследований в России не прошли зря: новое поколение социальных и политических активистов, которое сейчас появилось, эти люди уже изначально оказались включены в тот гендерный дискурс. Они знают литературу, знают подходы, знают имена.

Да, может быть это и сыграет свою роль. Задача первого поколения была каким-то образом внедрить эти слова, сделать их приличными, что называется. А уж что с этими словами будут делать, и какие из них будут лепить фразы – это другое поколение должно решать. Ну и потом, все-таки, сейчас все больше становится людей с несколько иным опытом жизни: стажировки за рубежом стали повседневностью. В итоге стало понятнее, что с рефератным стилем научного производства далеко не уйдешь. Нужен свой концептуальный язык. В отличие от 1990-х, он стал как-то оформляться, правда, за пределами гендерных исследований.

Но многие корифеи гендерных исследований очень настороженно относятся к новому поколению и к активистским инициативам.

Это всегда было. Я, помню, когда напечатал свою первую статью на эту тему – *"Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме"*, - в которой я попытался хоть какую-то полемику вызвать и критиковал этих самых «корифеев» за логическую непоследовательность и теоретическую, так сказать, нечленораздельность. Так вот - на меня сразу начали обижаться: "Зачем вы против нас такое пишете? Мы же стараемся, дело делаем, а вы...» В «гендерной тусовке» все воспринималось лично. Конечно, во многом это связано ещё и с наследием Академии наук, там многое воспринималось очень ревностно. Типа, мы же это начали, а вы вот пришли, новые, топчете нашу поляну.

Много трудностей возникает из-за самого слова «гендер». Мне хочется, чтобы ты сказал свое мнение по этому поводу. Кажется, что гендер - это все-таки очень искусственный термин, с ним так же, как с любой идентичностью: если на это долго и пристально смотреть, оно рассыпается, мы понимаем, что нет гендера, что нет идентичности, и вроде мы хотели что-то про это объяснить и понять, но сам концепт оказывается бесполезным.

Я согласен с идеей искусственности. Говорю про это давно, везде и неустанно. Идея введения этого термина в оборот в английском языке была в том, чтобы показать, что все мобильно, подвижно и изменяемо, что нет никакой предзаданности, что цель «gender» - в *регуляции* слов и тел. Потому и был заимствован термин из филологии – gender – грамматический род, задающий некий *порядок слов*. И это было принципиально. В итоге феминистские исследования 1990-х показали, что нет предписанных полов рамок, что есть следствия дискурсивной регуляции, дисциплинарности и т.п. А отсюда уже делался и более глобальный вывод о том, что

если эта регуляция носит *словесный*, то есть – символический (а не природный) характер, то каждый имеет возможность определить свою идентичность здесь и сейчас.

В России же, повторюсь, очень мало кого интересовали проблемы фрагментированной идентичности, подвижной идентичности, изменяющейся идентичности. По большому счету, идеи деконструкции тут практикой не стали. Постмодернизм свелся к Виктюку, Б.Акунину и Зурабу Церетели. Во многом это понятно – когда страна разваливается, играть в деконструкцию как-то не с руки, проще играть в стилистический пастиш, создающий иллюзию целостности. Направленность была иной – на фоне всеобщей раздробленности хотелось ощущения связанности. Собственно, поэтому проекты Леонида Парфенова стали так популярны - они задавали рамку, в которой находилось место всему, любому фрагменту.

Гендер в России встраивался именно в этот контекст. Никто не ставил целью осуществлять идеи радикального феминизма, никому в голову не приходило развенчивать на практике все и всяческие устои. Но «движухи» какой-то хотелось. Так появился русский гендер – во многом бессмысленный и нередко беспощадный. Вдобавок к «полу», «сексу», «роду», «сексуальности» и «половым отношениям». Ну, а дальше уже пошло скольжение означаемого – появились гендерология, гендеристика, феминология. Идея

была в том, чтобы изобрести квазиакадемический язык, который способствовал бы защите прав женщин. Права, в общем, защитить получилось не очень. А язык остался. И у меня на него только одна реакция. Как пели в 1990-х: «Больно мне, больно, не унять эту злую боль». Никак не унять.

Но сейчас в языке и в дискуссиях во многом господствует махровый эссенциализм, рассуждения про *сестринство*, про настоящую «женственность» и «мужественность». А слово «гендер» используется как онаученный эвфемизм слову «пол». Почему это вообще стало гендерными исследованиями, а не *women studies*?

Я с самого начала считал, что термин «гендер» многие взяли абсолютно напрасно, так как занимались по большому счету натурализацией понятий и идентичности. У Шкловского есть фраза «*Эта лестница ведет к нарисованным дверям*». Вот к ним нас и привел гендер. Ведь гендер изначально использовался для того, чтобы показать, как *социальные* различия превращаются в *природные*. Превращаются при помощи сложившихся языковых норм, связанных с ними практик обучения, способов интерпретации отношений и т.п. Так вот, вместо того, чтобы «взрывать» эти практики изнутри языка, гендерные исследователи сказали: нет, мы себе отдельную деланку выстроим и назовем ее «гендер».

Если бы мы с самого начала говорили о системе *половых отношений*, а не о некоей субстанции по фамилии Гендер, то результат был бы существенней. Ведь исторические и этнографические исследования постоянно показывают предельную пластичность этих самых половых отношений и отношений между полами. Мне когда-то на этот довод возразили: «Вот ты представь *«Кафедра исследования половых отношений»*. Кто её разрешит открыть?» Действительно – не представляю. В России «гендер» - это попытка сказать, что вот отсюда досюда – это биологический пол, а отсюда досюда – социальный. Цель другая у этого «гендера». Его цель – соблюдение приличий.

Ты говорил, что проблема еще в самом сообществе.

Да, поскольку эта группа исследователей очень маленькая, и фондов очень мало и становится все меньше. Все друг друга знают, никто друг с другом не спорит, ездят друг к другу на конференции, печатаются друг у друга в сборниках – и все это на фоне конкурирования за небольшой кусок денег, за право считаться главным по цеху, и т.п. Все как обычно. В остальных-то научных сферах примерно все так же. Особых дискуссий-то нету. Есть монологи. Иногда интересные.

Но мне кажется, что кризис гендерных исследований связан еще с тем, что нет никаких видимых политических и экономических результатов этой деятельности. Более того – в России сейчас происходит страшный патриархатный откат.

Да, дебаты о важных гендерных политических темах не идут, может быть только в Facebook и в ЖЖ. Вот сейчас в Санкт-Петербурге принят закон о запрете «пропаганды гомосексуализма». И что? Где протесты гендерологов и феминологов? Где внятные, понятные объяснения того, что криминальным должна быть не «пропаганда гомосексуализма», а сексуальное насилие? Что бороться надо не с «рекламой», а с

недостаточным количеством горячих линий и почти полным отсутствием приютов для жертв насилия. Проблема ещё и в том, что те, кто принимают подобные решения, исходят из определённых сексуальных фантазий, которые можно развеять только постоянным потоком конкретной информации о жизни вполне реальных, а не абстрактных геев и лесбиянок, о случаях насилия в их отношении. Мне кажется,

законы во многом возникают от незнания и желания не знать. Упрощая, я бы сказал – не феминология нам нужна, а последовательное половое просвещение.

Пожалуй, единственным человеком из академии, кто не боялся об этом говорить и писать, был И.С. Кон. А сейчас об этом говорят и пишут не исследователи, а активисты,

Игорь Семенович много сделал в этом отношении. И после его ухода, в общем, место осталось вакантным. И пока получается, что политизированные темы гендерными исследователями не обсуждаются принципиально, а сами исследования не приводят ни к каким результатам. В идеале исследователи должны бы стать «переводчиками» проблем – с политизированного, антагонистического языка протестов и требований, свойственных активистам, на менее эмоциональный язык решений и выводов. Или, может, стоит уже заходить с другого конца? И собирать на гендерные школы не исследователей, а журналистов? И объяснять им основы?

Но многие журналисты и так считают себя экспертами в гендере...

Значит, нужны активисты из самих социальных движений, которые могут писать внятно. Только писать надо «для масс», чтобы читатели поняли, что речь идет о людях с другой жизнью, с другими идеями и представлениями, которые надо услышать. Писать надо в "Комсомольской правде", в "Аргументах и фактах" - в тех газетах, которые читают обычные люди. О сложных вещах, но доступно. Во многом люди просто ничего про это не знают - и потому боятся. Особенно - ЛГБТ, для многих это совершенно дремучая тема. Просто на житейских примерах показывать, что это за явления и проблема. Начать с элементарного: сексуальное насилие в школах, армии и полиции, аборты, хиджабы. Что происходит, например, с женщинами, которые носят хиджабы, в чем их мотивация, мы про это вообще мало знаем. Мы скорее знаем пакистанские примеры. Мы все знаем про Францию, а вот эти вот свои родные... А у нас даже языка нормального, чтобы разговаривать на многие гендерные темы, нет. Но он ведь и не появится, если не начинать – пусть и коряво для начала - писать и обсуждать эти проблемы.

А с чем это связано, что у нас боятся публично говорить на тему сексуальности, гомосексуальности? С советским прошлым, стигмой?

Наверное, причин много. Советская культура телесности была специфической. Повторюсь: телесность и телесные практики во многом оставались вне языка. Важно и то, что сексуальность нередко воспринимается как дисциплинарный механизм – как форма власти, которая позволяет воспринимать сексуальные иерархии как социальные иерархии. От этого сложно избавляться.

В Штатах Барак Обама вот только что высказался в защиту однополых браков. И любопытно было то, насколько запоздало прозвучало это высказывание. Я не хочу преуменьшать сложности ситуации, но приемлемость однополых браков, точнее, союзов – это довольно обыденная тема. Открытость ЛГБТ-сообщества в США привела к одному интересному результату: стало крайне сложно, почти невозможно, обобщать, делать какие бы то ни было стереотипные выводы о связи между сексуальностью и поведением. Точнее – идентичностью.

Сексуальность, иными словами, перестала выступать сколько-нибудь существенным индикатором и ориентиром. Произошла её нивелировка - к лучшему или к худшему.

В России же сфера этого всего – она все ещё нормализующая, ориентирующая, регулирующая. Что называется: «Скажи мне, с кем ты спишь, и я скажу, кто ты». Болезненное проживание несвободы частной жизни, наверное. И преодолеть это можно, видимо, только через постоянное проговаривание повседневного опыта – в том числе, и в массовых изданиях. В этом плане – я номиналист. Язык – он до многого может довести.

Но у нас все это было уже в 1990-е годы, когда началась наша маленькая сексуальная революция, появилась газета «Спид-Инфо», которая писала про все на свете. Почему же это не привело к каким-то серьезным последствиям, сексуальной либерализации, толерантности?

Мне-то как раз кажется, что именно это и произошло. На этом и выросли все нынешние активисты. «Спид-Инфо» - это их гоголевская «Шинель».

Но все-таки не хочется снова впадать в крайность и публиковаться в желтой прессе. Хотя многие наши СМИ совершенно пожелтели в последнее время. По первому каналу в прайм-тайм идут передачи типа "Давай поженимся".

Ну, в США всё то же самое. Это не оправдание. Но массовая, коммерческая культура – она везде, в общем, схожа. У неё одни функции – потратить ваше время. Полностью и навсегда. Я когда-то хотел написать про телевизионные таблоиды в США и смотрел несколько передач. Хотел сравнить с российскими. Так вот - наши российские передачи (те, что я видел) – это еще ягодки. Нам дойти еще надо до стадии эстетики скандала. Российская желтуха, в общем-то, мирная.

А что такое произошло? Откуда у людей потребность смотреть такие передачи? Не хватает эмоций у людей в повседневной жизни? Нет ощущения какой-то мощной консервативной волны, которая начинает накрывать весь мир?

Про потребность смотреть «такие передачи» говорить можно долго. Тема бесконечная. Для кого-то – это отложенная эмоциональная разрядка. Но для кого-то это школа управления своими эмоциями. Глядя на других, усваиваешь правила поведения. Пусть даже и на отрицательном опыте. Это такая очень brutальная школа сильных эмоций. Плакатные чувства. Опера для бедных. Музыка только другая.

Что касается консервативной волны, покрывающей мир... Вряд ли. Вот в течение пяти лет одним из самых популярных сериалов на американском телевидении был сериал про семью мормона, у которого было три (или больше?) жены. То есть, с одной стороны – да, радикальность семейного устройства тут уравнивается религиозным контекстом. Но с другой-то – подобное выдается не за девиацию какую, а за альтернативную форму организации жизни. То есть если это и консерватизм, то такой довольно продвинутый. Да и в целом - сказать, что идет какое-то возвращение к традиционным устоям, типа муж-кормилец, жена-домохозяйка, мне сложно.

В России это связано с демографической политикой государства, что надо рожать, рожать, рожать, а поскольку детских садов не хватает на всех, то женщина вынуждена сидеть дома.

Вот это интересная разница, потому что в США, как это ни странно, тоже рожают, при этом про детские сады ведь вообще никто почти не говорит. Не говорит так, как в России. У всех няни и сиделки – бэбиситеры. Но структура этих услуг совсем другая. Если в Москве нянями работают женщины в возрасте, мигрантки, то в США сидят старшеклассники и студенты первых-вторых курсов. Бэбиситерство – это стандартная подработка для молодежи. Почему в России по-другому?

Ну, во-первых, наши школьники не очень привыкли работать, а во-вторых, другое отношение к материнству – слишком ответственное, у нас никто своего ребенка 13-тилетней девице не доверит. А если доверит, то соседи и родственники скажут, что ты плохая.

Ну, 13-летней и там не доверит. Но в 16-17-то уже можно доверять и проверять! Плюс, все зависит от иерархии ценностей: раз ты не можешь взять отпуск по уходу за ребенком на три года (потому что за три года ты профессионально станешь никем, и многие женщины не могут такого себе позволить), то получается, что 16-летние бэбиситеры – это не идеал, но доступный выход.

Мне кажется, что такое очень трепетное отношение к материнству ещё во многом связано с крайне непрофессиональным отношением к своей карьере. Время, потраченное на образование, скажем, не воспринимается как инвестиция в себя. То есть - как нечто, что должно или может принести доход в будущем. У меня было интервью 7-8 лет назад со студентками 1-2 курса вуза из Барнаула, с журналистками. И я им задавал один и тот же вопрос: "Чем бы вы хотели заниматься через 5-6 лет?" Некоторые из них говорили, например: "Я через 5 лет хочу поступить на юрфак и получить настоящую профессию". То есть эти первые пять лет они в университете потратили для разбега... Получается, что жизнь становится такой вот постоянно отложенной ситуацией. Отпуск по уходу за ребенком – из этого же контекста: оплачиваемый отпуск по депрофессионализации....

В России сейчас в определенных экономически благополучных кругах появляется такая модель семьи, что мужчина содержит несколько семей - женщин и их детей.

Ну да, это такой неоисламский вариант, в Бишкеке мне часто про такое говорили. Но это, конечно, далеко от стереотипного представления, типа "если б я был султан". Там эти семьи живут отдельно, у них отдельные квартиры, отдельные дети, между собой они не встречаются, он их отдельно содержит.

Как в фильме "Осенний марафон", только с детьми и без страданий.

Может быть, в Азии это больше связано с культурными причинами, а в России - с экономическими? У нас все-таки мужская сверхсмертность, дефицит мужчин.

Вот в это я не верю. Конечно, в России у мужчин после 40 лет жизнь осложняется – ранние смерти, алкоголь опять же... Но мне не кажется, что потребность в мужчине такая культурно-функциональная. Она *ценностная*. И коренится в установке на то, что вне семьи – ты не женщина. А синий чулок. Приживалка. Наша мымра. Ну, и все в таком духе.

Помню, у меня в Минске была долгая беседа с одной девушкой. Она профессионал, успешная журналист, ей чуть за тридцать. И вот у нее громадная депрессия, потому что она одна. Ну, не получается с семьей. Не складывается как-то (хотя, вроде, белорусские мужчины пьют меньше). Вот это отношение мне кажется показательным. В США у меня много знакомых женщин, которые живут одни, но без депрессий. Да, не срослось с семьей. Но при этом нет установки на то, что семейная жизнь – это единственно правильный способ потратить свою жизнь. В ней есть всегда место и другим подвигам.

Раз (пока) нет семьи, значит, есть время на карьеру. Или на организацию местной церкви. Или на семинары с подростками-преступниками, отбывающими срок в тюрьме (все примеры реальные). Ощущение вариативности жизни тут более интенсивное.

Замужество и дети – это не единственный показатель успешной жизни. Самореализация нередко становится важнее.

Кстати, мне тут недавно общие знакомые сказали, что вот та одинокая девушка из Минска решила на серьезный шаг – стала проводить семинары для таких же «одиноких», как и она сама. Пишет книжку. Вот, наверное, как-то так, шаг за шагом и приходит постепенное понимание, что «норма» - это набор вариантов. Что *главного* вкуса нет, есть их разнообразие....

Многие мои коллеги - женщины, работающие в американских университетах, - вынуждены выбирать между карьерным ростом и рождением ребенка. Потому что пока ты не получишь постоянный контракт (а это где-то через 6-8 лет после приёма на работу), твоя позиция крайне нестабильна. В это время предполагается, что ты должен много печататься, активно участвовать в конференциях, книжки свои писать и так далее. Ребенок в этот период как-то всегда некстати. Вот и получается, что женщина заканчивает аспирантуру, когда ей лет 27-28-30, прибавь к этому лет 7 ударной работы на постоянный контракт. Она встает на ноги, чувствует себя готовой к этой жизни (чтобы купить дом в рассрочку, начать думать и планировать все остальное в своей жизни), когда ей уже

далеко за 35. В этом возрасте кто-то рожать уже не может, кто-то не хочет. Ищут другие способы: усыновляют, удочеряют. Если очень хочется семейной жизни, то есть варианты.

Это я к чему? - есть масса разных семейных моделей, единой для всех нет. И такое разнообразие жизненных стилей – это как раз и есть последствия феминизма 1970-х, 80-х, 90-х годов....

То есть здесь нет такой стигмы, что быть single – это страшно?

Быть single не страшно, но сложно.

Вдвоём проще. Вопрос в другом – *couples*, пары – это не единственная доступная норма. Это *один* из способов организации своих отношений с людьми. *Один из*.